

МУЗЫКА МОГУЧЕГО ИНТЕЛЛЕКТА

По просьбе АПН искусствoved Тамара Грум-Гржимайло встрети-лась с лауреатом Ленинской пре-мии Мстиславом Ростроповичем, которого связывает давняя творче-ская дружба с выдающимся ком-позитором современности Дмитри-ем Шостаковичем.

В 1959 году под влиянием арти-стической индивидуальности Рост-роповича композитор создает свой Первый концерт для виолончели с оркестром. Это произведение в ис-полнении советского виолончели-ста приобрело исключительную по-пулярность во многих странах. И вот теперь, в год своего шестиде-сятилетия, Шостакович снова по-свящает свой труд Мстиславу Ро-строповичу. Он создает Второй концерт для виолончели, который исполняется 25 сентября в Боль-шом зале Московской консервато-рии.

Путь большого художника-нова-тора рождает много мыслей — фи-лософских, аналитических, крити-ческих. Ростропович говорит о лю-бимом композиторе кратко, убеж-денно, порой вызывая полемику. Но даже в этом кратком и по-лемичном виде его мысли о Дми-трии Дмитриевиче Шостаковиче не-вероятны для многих. Вот они:

...Человек не знает самого себя. Он не успевает познавать себя. Он действует. А в процессе быстрого действия, процессе вычисления не-когда заниматься самоанализом. В наше время — тем более. Темпы жизни все нарастают. Неизмери-мо усложняется мир человека. И получает глубину невероятной си-лы. Чтобы постичь ее, нужны уси-лия могучего таланта. Шостако-вич — из рода этих могучих. Его музыка отражает всю сложность современного человека, современ-ного человеческого мира.

Мне всегда казалось, что Шо-стакович знает о человеке все. С детства я читал его эрудиции. Но в отличие от других он знает не только то, что любит, но и то, что ему не нравится. Огромные жертвы его интеллекта перемалы-вают все, что попадает в поле зре-ния. Его необъятный «аппетит» и «усвояемость» — признаки креп-кого творческого здоровья.

Если взять лишь одни литера-турные его обращения — это Шекспир, Бернс и Пушкин, а ря-дом молодой Дюма-младший и дав-ний Саша Черный, Евгений Евту-шенко и тексты «Крокодила»... Контрасты? Да, он идет широким фронтом. Спектр его восприятия громаден.

Есть точка зрения, что Шостако-вич по-новому отразил в музыке античеловеческое, страшное, без-душное начало, воссоздавая траги-ческую правду XX века.

Вас интересует мое мнение? Я не вижу у Шостаковича ни одной не-гативной силы. Я не вижу в его музыке сил зла. Я вижу просто си-лу. Невероятную силу человече-ского характера.

Многие воспринимают музыку поверхностно, воспринимают ее внешнюю сторону. Они слышат сложные, острые, может быть, не-приятные звуко сочетания и объяв-ляют их выражением «сил зла». Но это оттого, что мы плохо зна-ем себя. А музыка Шостакови-ча — это мы сами, наша не по-

званная до конца жизнь. В этой музыке вся громадная амплитуда нашей жизни — от разочарований и трагических столкновений до про-светлений и гордых надежд. Ис-кусство Шостаковича предельно человеческо.

Но Шостакович — это не толь-ко современность, это познанное и обращенное в будущее прошлое. Не ощутив прошлого своим, худ-ожник не создаст в искусстве ни-чего нового. Скачок основан на усвоении традиций. Если, скажем, мировой спортивный рекорд в прыжках — 2 м 28 см, то два метра могут взять многие, а эти последние сантиметры даются только одному. И кажется, что это целая революция, а это ска-чок, развивающий традиции. Под-линный талант быстрее других преодолевает барьер. И там, за барьером, возникает новый стиль в искусстве.

Композиторы высшего ранга, как правило, очень мало писали произведений для виолончели с оркестром. Они стремились выра-зить себя наиболее совершенными средствами — в оркестре или на фортепьяно. Но каждый исполни-тель мечтает владеть совершен-ным инструментом. Он хочет иметь один, независимый «голос». Я всегда завидовал дирижерам, ко-торые могут рассказывать оркест-ром о том, на что не хватает обыч-но средств одной виолончели. Я всегда мечтал о виолончели со ста струнами.

Но высокий композиторский та-лант преодолевает несовершенство инструмента. Этого достиг Шо-стакович в своем новом концерте. По масштабам и временной протяжен-ности (40 минут исполнительского времени!) он превосходит самые крупные из существовавших доне-ше произведений для виолончели с оркестром — концерты Дворжака и Прокофьева. Играя эту музыку, я впервые чувствую себя на му-зыкальном уровне дирижера. Шо-стакович наделяет виолончель ка-чеством невиолончельной силы. Это симфония, сочинение очень объемных, очень протяженных мыслей. Мне не хватает смычка. Мне не хватает техники, не хват-ает сил. Не хватает красок. Я должен пользоваться совершенно новым уровнем исполнительских средств.

Мастерство Шостаковича огром-но. В финале нового концерта, после каденции, когда музыка словно растворяется в широком баркарольном движении, проходят все темы предыдущих частей. Это сделано с непостижимым мастер-ством. Я просто не понимаю, как возникает снова тема первой ча-сти, как удается Шостаковичу пре-одолеть кажущуюся абсурдность соединения всех тем. Это музыка и созидательная, и саркастическая. В ней — огромные драматические взлеты, кульминации страшной силы. И в ней — эпизоды полно-го покоя и просветленности. Это мир тех глубоких философских коллизий, которые ранее проступи-ли в Восьмой и Десятой симфони-ях композитора.

Мир Шостаковича — неотделим от моего. Я живу вслед за ним. Играть Шостаковича, быть его современником — это великая гор-дость!..